

Прения по докладу тов. А. Фадеева и содокладам тт. А. Корнейчука, С. Чиковани, Айбека, А. Венцловы, К. Краулина и О. Ургарта

А. ВАРТО

Л. СУБОЦКИИ

П. СКОСЫРЕВ

В мудром постановлении Центрального Комитета партии о журналах «Звезда» и «Ленинград»... А. А. Жданов был остро поставлен вопрос о воспитании советской молодежи...

очевидно потому, что их статьи, посвященные другим вопросам, охотнее печатают. Почему такие критики, как Белинский, Чернышевский, Писарев и наконец Горький, уделяли столько внимания вопросам детской литературы...

Моя задача — сказать несколько слов о критике — в значительной мере обремененная тем, что тов. А. Фадеев в своем докладе правильно и полно отметил и признал ее...

и через себя; но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хотят знать ни общество, ни человечество... Заметим тут же, что если бы участники дискуссии о «пессимизме» попытались осмыслить свою тему, участь у Белинского...

Тов. Фадеев назвал немало произведений, характеризующих новый подъем советской многонациональной литературы, который мы переживаем в течение последних десяти месяцев...

тора литературы народов СССР, нет специальных научных кабинетов, где разрабатывались бы проблемы каждой братской литературы...

Ф. ГЛАДКОВ

В связи с проблемой воспитания нашей литературной молодежи следует сказать о работе Литературного института имени Горького. Союз советских писателей имеет к нему непосредственное отношение...

но здоров и крепок. Но было бы неправильно отрицать наличие в творчестве отдельных студентов некоторых чуждых влияний. Формалистические ошибки встречаются в произведениях поэтов Урина и Мандела...

Позвольте привести один пример из литературной практики. В прошлом году на страницах «Литгазеты» (еще при старой редакции) велась дискуссия о так называемом «янтаре» в поэзии...

и не отрицательный анатомический процесс, разрушающий прекрасное явление для того, чтобы определить его значение. Разум разрушает явление для того, чтобы оживить его для себя в новой красоте...

Оживилась критическая и литературоведческая мысль в наших братских литературах, но есть область, которая осталась вне поля зрения литературоведов и критиков...

В постановлении ЦК ВКП(б) о некоторых из них сказано, как о произведениях, приносящих вред советскому читателю. Пьеса «Мы казахи» А. Тажибаева, постронная на фольклорном материале...

К юбилею Низами

БАКУ. (От наш. корр.) 800-летие великого поэта Низами Институт литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР отмечает изданием сборника научных исследований статей о его жизни и творчестве...

Узбекский эпос „Алпамыш“ и поэма Навои „Семь планет“ на русском языке

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.) Л. Пеньковский перевел на русский язык узбекский народный эпос «Алпамыш», насчитывающий свыше 10 тысяч стихов...

Союз писателей Узбекистана. Работа обоих переводчиков получила высокую оценку. Эпос «Алпамыш» в переводе Л. Пеньковского и поэма «Семь планет» в переводе С. Липкина будут выпущены Узбекским государственным издательством.

Иллюстрации худ. Ю. Райнера к книге поэм А. Навои (Детгиз).

Писатели Кара-Калпани — к великому празднику

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.) До Октябрьской революции у каракалпачков не было письменности: они не имели ни родного языка. В годы советской власти в Кара-Калпани создана крупная полиграфическая база, открылись техникумы и институты, театры и библиотеки...

Герои Отечественной войны посвящаются поэма «Ел пейизи» Ерназаров, драма «Айша» Н. Давкарарова, повесть «Пола» Касымов, эпический дестан «Бахадур» народных поэтов А. Давилова. Писатель-фронтовик Д. Ташиев пишет повесть о Сталинграде, С. Бекназаров заканчивает поэму о Зое Космодемьянской...

Возражениях «Литературной газете» на эту статью было много дельного, справедливого, важного. И газета здесь сделала большое и нужное для нашей теоретической работы дело.

Если бы участники этих двух дискуссий обратились к эстетическим взглядам революционных демократов, они бы у них нашли основу для гораздо более глубокого решения вопроса.

В редакции «Знамени» существует хорошая традиция: здесь любят новые имена. И надо сказать, что в прошлом году эта традиция оправдала себя как нельзя лучше. «Знамя» вело в литературу писателей, первые книги которых сразу привлекли к себе внимание и стали предметом ожесточенных критических обсуждений. «Спутники» В. Пановой, «Люди с чистой совестью» П. Вершинеры, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова — несомненные победы журнала.

В 1947 году редакция «Знамени» не изменила своей традиции. В первом же номере отдал прозу открывающую повестью Э. Казакевича «Звезда» — первой прозаической повестью молодого поэта. Во втором и третьем номерах печатаются записки И. Козлова «В Крымском подполье», а в четвертом — повесть И. Степичина «Салерн». Таким образом, почти все крупные произведения публикуются в журнале, подписаны новыми именами. Они неравноценны по своему художественному достоинству, но все стремление расширить круг «знающих лиц» в нашей литературе принадлежит к числу бесспорных достоинств «Знамени».

В первых книжках журнала за текущий год читатель прежде всего запомнил превосходную повесть «Звезда». Это произведение, рассказывающее о трудовой, исполненной опасностей и подвигов ратной жизни советских разведчиков, принадлежит к числу самых интересных явлений в нашей прозе 1947 года. Повесть Казакевича — это тонкий, глубокий анализ человеческой психологии, внешне будничного героизма, который автор сумел заметить и показать, с неравной любовью, о которой он написал так лирично и так целомудренно, — вся она рождена опытом, приобретенным в войне, и той близостью с людьми, которая, пожалуй, только на войне и может возникнуть.

Люди и события, которые привлекли внимание Э. Казакевича, не новы для читателя. Но в обширной литературе о войне его книга займет свое особое место. Ее отличает не только глубокое знание материала, но только умение увлекательно поведать историю. Главная — она написана с тем тонким, проникновенным лиризмом, который подкупает читателя и заставляет полюбить ее героев — простых советских людей, занятых выполнением своего патристического долга перед родиной. Эти люди, как живые, каждый со своими достоинствами и недостатками, встают перед нами со страниц повести. Мы успеваем сродниться с ними, верить каждому из них, проникнуться уважением к их чувствам и поступкам.

Описание Э. Казакевича точно и поэтично, его язык отличается выразительностью и лаконизмом. Сложная, жизненная правдивость и сдержанный пафос, естественность в описании людей с романтическим приподнятым отношением к миру придает особый колорит повести и позволяет говорить о ней, как о произведении истинно поэтическом.

Отличны переводы из Шекспира С. Маршак. Это — значительное явление русской поэзии и советской культуры. С. Маршак заново воссоздал на русском языке своеобразное шекспировское раздумие о любви, о вечности, о времени, о природе с их легкой и умной иронической интонацией. Эти раздумья, заключенные в строгую и точную форму сонета, выраженные порой с блестящим и отточенным полными афоризмами, требовали большого мастерства и кропотливого труда переводчика.

Наш журнал уже довольно робко знакомит читателей с произведениями передовой зарубежной литературы и, в частности, литературы славянских стран. Тем острее отметить появление в № 6 «Знамени» своеобразных новелл Яна Дрда, чешского писателя-коммуниста, рассказывающего несколько волнующих эпизодов из истории сопротивления чешского народа немецким захватчикам.

Пятый номер «Знамени» открывает сценарий Н. Вирты «Сталинградская битва» (две серии). Особенность этого сценария — и стремление охватить всю эпопею великого сражения под Сталинградом, показать все многообразие знаменитой исторической битвы, и стремление к более глубокому анализу тактики и стратегии, позорным поражением немецких войск.

Сценарий Н. Вирты построен на документальном материале. Автор широко использовал архивы военных штабов, рассказы и воспоминания участников сражения, полководцев и офицеров Советской Армии, изучил подробности Сталинградской битвы. Не прибегая к выдумке, к поискам острого сюжетных положений, он воспроизводит правдивую картину незабываемых дней, когда весь мир напряженно следил за ходом невиданного в истории войны сражения, знаменовавшего закат немецкого военного могущества.

Сила сценария — в исторической достоверности, с какой изображены в нем события недавнего прошлого, и люди, стоявшие в центре этих событий. Перед нами проходят образы рядовых бойцов, солдат, офицеров, генералов, командующих фронтами, прославленных советских полководцев. Мы видим и того, кто явился подлинным вдохновителем Сталинградской победы, кто разработал гениальный план окружения и разгрома врага, кто обеспечил всемирно-историческую победу советского оружия. Простой и величественный образ товарища Сталина возникает в первых же эпизодах сценария.

Автор вводит нас в рабочий кабинет товарища Сталина. Мы присутствуем при зарождении смелого стратегического замысла разгрома немцев под Сталинградом. Мы слушаем разговоры Главнокомандующего по телефону с маршалами и полководцами. Видим его в глубоком раздумье склонившимся над картой Сталинграда. Наконец, мы присутствуем на историческом совещании в кабинете товарища Сталина, где руководители правительства и полководцы Советской Армии собрались, чтобы познать замысел Сталина, план операции, и восторженно поддержать его. Затем мы видим, как приходит в действие накопленные силы: начинается огромное движение армии, готовой грозой обрушиться на ошеломленного врага.

Надо сказать, что картины боев, изображенные в сценарии, очень многогранны и, может быть, именно поэтому грешат однообразием. Восторженные действующие лица далеко не все наделены яркими индивидуальными чертами, они не отличаются своеобразным языком и глубиной разработки характеров. Но задача, поставленная автором, слишком обширна, ответственна и трудна, и в главном она решена верно: сценарий волнует значительно сильнее, чем темы, правдой неповторимых событий.

К числу основных материалов «Знамени», увидевших свет в этом году, относятся еще две документальные вещи, также составляющие несомненный актив журнала. Мы имеем в виду записки И. Козлова о подпольной борьбе советских людей с немцами в Крыму и очерк И. Степичина «Первые дни на фронте».

Характерная особенность записок И. Козлова — их полная достоверность. Автор сам был участником событий, которым посвящена его книга, и он стремится довести до читателя свои воспоминания о пережитом как можно более полно и точно. Мы с волнением узнаем подробности замечательной деятельности Козлова сначала в Керчи, а потом в Симферополе, где ему, старому большевику, имеющему за плечами богатый опыт дореволюционной партийной работы, пришлось возглавить подпольную борьбу с оккупантами. Автор рассказывает о методах и приемах конспирации, о том, как надо вести себя в условиях, когда так муштвовано боролось с захватчиками рядовые советские люди. Читатель знакомится с отважными и честными патриотами, воодушевленными верой в победу и не

жающимися жизни в борьбе за освобождение Крыма. Стремление к полноте изложения иногда приводит к тому, что наряду с очень важными фактами в повествование проникают второстепенные детали. Но, может быть, рассказывая о героических делах советских людей, лучше быть нестремным в подробностях, чем что-либо забыть. И если от подобной щедрости иногда страдают литературные достоинства воспоминаний, то их историческая ценность только возрастает.

Во второй книжке «Знамени» мы находим заметки из дневника войскового инженера Н. Степичина. Их любопытное сопоставление с повестью того же автора «Салерн», напечатанной в четвертой книжке. В своих заметках автор рассказывает о первых фронтовых впечатлениях, о чувстве страха, которое он испытывал в первые дни пребывания на передовой, о том, какими трудными казались ему задания командования и как помогли ему в этом работе его подчиненные, щедро делившиеся своим людским начальником своим фронтовым опытом. Н. Степичин не стремится к художественности, никак не украшает рассказ, ничего не выдумывает. Литературное мастерство в его записках выражается, пожалуй, лишь в том, что он повествует о самом главном, характерном и существенном. Умение осмыслить свой материал, а затем верно отобрать и расположить его делает заметки Н. Степичина безукоризненно точными и запоминающимися. И, может быть, неожиданно для самого автора его дневник становится подлинным литературным произведением.

Совершенно обратный эффект мы наблюдаем в повести И. Степичина. Здесь он изю всех сил старается превратить свои воспоминания в «литературу». Он «сообщает», навязывает героям melodраматические чувства, торжеств и усаждает загадками сюжет, морализирует — словом, делает все, что, по его представлениям, должен делать писатель. И терпит при этом горькое поражение. Его главный герой, вместо того чтобы стать живым человеком, вызывающим симпатии читателя, превращается в слащавого резонера, а фигуры солдат, героев так утратились, что в очерке И. Степичина нарочно простотами и фальшивыми а их взаимоотношения с начальником сильно напоминают ярко раскрасшенные старинные олеографии, изображающие «отца-командира», пробующего кашу из солдатского котла. Кстати, именно такая сцена имеется в повести, и, читая ее, трудно поверить, что она написана тем же человеком, который в своем очерке сумел найти меткие и верные штрихи и детали.

Думается, что редакция «Знамени» потрудились в стремлении сделать своего неосомненно способного автора беллетристом, чтобы он добился интереснейшего результата, который и выдался в итоге, чтобы помочь ему распутаться.

материала, порой отсутствие твердой руки, а порой — сила иерархии, которая иногда замечает перестройку журнала в связи с новыми требованиями. Редакция следует серьезно подумать, все ли ею сделано для того, чтобы превратить журнал в один из боевых органов нашей литературной мысли, отвечающий задачам коммунистического воспитания, помогающий двигать вперед великое дело нашей партии, нашего народа? Художественно обогатить опыт Великой Отечественной войны, публиковать записки и воспоминания ее участников — прямая задача «Знамени». Но вместе с тем, редакция не может не понимать, что журнал, если он хочет идти в ногу с жизнью, обязан отражать ее текущие процессы, жить паросом сегодняшнего дня, дышать горячим воздухом современности. Дело здесь не только в отсутствии значительных произведений о послевоенном созидании. Причина, как нам кажется, лежит глубже, она — в принципиально ошибочной позиции, в недооценке огромного значения послевоенной тематики. Ведь не случайно в журнале чрезвычайно слаб отдел публицистики и насколько отсутствует такой важнейший жанр, как очерк.

Каждое произведение, которое в шести номерах текущего журнала появилось всего один очерк — Ю. Нагибина «В стороне от железной дороги» (№ 5), повествование о сборе хлопка в Туркмении. Этот очерк не лишен некоторого интереса, хотя и чрезмерно растянут. Но самое любопытное состоит в том, что редакция поместила его в отдел публицистики, продемонстрировав тем самым свое полное равнодушие к очерку, и к публицистике. Как одна ласточка не делает весны, так не спасает положения рассказ Александра Смирнова «Инженер Нестеров» (№ 4) — единственное в «Знамени» произведение, посвященное теме строительства. Однако само по себе это название, написанное инженером по профессии, впервые выступившим в литературе, хорош и несомненно обрадует читателя своей свежестю, искренностью, знанием предмета. В рассказе нет ни лишнего приключения, ни тайны. И вместе с тем он по-настоящему интересен. Сила автора в том, что он знает вещи, которых не знает читатель, и рассказывает о них с подлинным увлечением, как это может делать только человек, влюбленный в свое дело.

Увы! Мы не обнаружили этой влюбленности в свое дело в критическом отделе журнала. На первый взгляд, здесь все благополучно не только по количеству, но даже и по качеству. Здесь напечатаны ряд обстоятельных статей и рецензий (Е. Кириллов, И. Альтман, М. Менделеев и др.), правда, не дающих полной картины нашей литературы — сегодня, но зато описывая некоторые ее явления. В № 6 журнала появилась интересная статья В. Александрова о повести В. Пановой «Спутники». Но если говорить всерьез, то в отделе критики «Знамени» отсутствует главное — свое, принадлежащее критике, понимание явлений литературы и жизни. А порой в статьях, опубликованных в журнале, трудно обнаружить и ясно выраженное мнение критика о книге, которую он разбирает. Между тем наш читатель хочет найти в критических статьях не только элементарное истолкование литературных произведений. Он хочет услышать эволюционный голос воинствующего критика, большевистского публициста, который ухватит его представление не только о литературе, но и о жизни.

Когда-то Белинский писал: «Важнейшее отделение всякого журнала — критика и библиография, они, можно сказать, душа, жизнь его, потому что в них речь всего высказываются его направление, сила и достоинство». Эти справедливые слова часто забывают наши журналы. И если библиография еще как-то в них представляется, то отделе критики влечет жалкое существование.

Почему, в самом деле, «Знамя» не считает своей обязанностью систематически вести обсуждение острого вопроса литературной современности? Почему отсутствует в журнале «Трибуна писателя»? Чем объяснить отсутствие годовых обзоров нашей литературы? В отделе, озаглавленном «Литературная критика», можно найти юбилейную статью о Некрасове, статьи о раннем Баргшике, об американской литературе. Все это очень важно и нужно. Но то же самое, как не литературный ежемесячник, должен заниматься разработкой вопросов социалистической эстетики, изучением опыта современной литературы, теоретическим осмыслением ее успехов и неудач? Кому же отдала критика и публицистика «Знамя» — явное недоумение, равнобразие, творческий инертность, которая могла бы сделать эти отделы боевыми, острыми и интересными для читателя.

Итак, редакция «Знамени» в 1947 году многого достигла. В журнале появились новые имена, стал шире круг тем, строже и тщательнее, чем прежде, происходит отбор стихов и рассказов. Все это — свидетельство о серьезных шагах на пути осуществления высоких задач, которые партия поставила перед литературой. Но одним из нас еще предстоит сделать. Надо реально укрепить отделе критики и публицистики. Надо покончить с пренебрежительным отношением к очерку, настоятельно разрабатывать тему современности. Иначе журнал не справится со своей главной обязанностью — воспитывать читателя в духе советского патриотизма, внушать ему чувство гордости за свою Родину, рассказывать о великих работах, совершающихся в нашей стране.

И все же подумал о друге отряд — такие на дыбе молчат! Короткая заключительная сентенция и — все. Однако, выигравшая в лаконизме, Максимова, пожалуй, проигрывает в выразительности. Исключая из стиха внутренний мир человека, нравственное содержание подвига, он тем самым ослабил силу поэтического слова, энергию его звучания. Слово оказалось приращенным сюжетом. С наибольшей очевидностью это сказалось в «Балладе о горящем сердце», искусственно построенной.

«Баллада о часах» и особенно «Баллада о молчании» — примеры таких поисков. Ночью отряд переправляется на плоту к вражескому берегу. Один из товарищей сорвался в реку. Он не умел плавать и пошел ко дну, ни всплеском, ни криком не выдал остальных («Баллада о молчании»). Это стихотворение сопровождается указанием на время и место написания. «1943 год. Немецкий тыл». Всякое проявление поэтического красноречия кажется Максимова здесь неуместным.

В каждом воине poet стремится показать наше героическое время: То время героическое, когда в потемках, на час выткнув доложик в руках, смотрел в кювет и думал о потомках чепухаватых мальчуганов. Это очень характерно для Максимова. В великой эстафете поколений строителей нашего государства он принял от старших слабое боевое наследство, чтобы передать его тем, кто идет за ним.

Последние стихи Максимова, появившиеся в журнале, свидетельствуют о том, что он стремится рассказать о своих сверстниках — не только воинах, но и строителях. И на этом пути молодому поэту хочется пожелать удачи.

М. Максимова, «Наследство». Партизанские стихи. «Молодая гвардия», 1946, 87 стр.

Ты тогда звал меня гений свободы, — Ты была мне в те ранние годы Недоступно, светлой, далекой мечтой. И сейчас ты могла только снится. Я хотел быстротой стать пылкой И лететь, чтобы видеть тебя, быть с тобой.

Сколько сланных имен и событий (Как не вспомнить и можно ли забыть их!) На твоих исторических гордых путях. Оттого и мечтал я мальчишкой О тебе, твое имя услышав, Строил планы воздушные, видел во снах.

И всегда ты была нам примером, Лучшей, светлой мечтой и верой, Наша слава и честь, наша гордость — Москва.

Боевое панфиловцев знамя И сейчас над тобой и над нами, Его ветер победы в боях развеивал.

В весенний день, в зори Первого Мая, Ты сама, как заря молодая, Как невеста, вступаешь в заждавшийся мир.

В летний зной благодатной грозой Ты летела над иссохшей землей И пылью утомленную засуху ширь.

Ты осенней порою в туманы Сетишь людям звезду нежданной, Озаряя великий Семнадцатый год.

Ты могучей, чем летние грозы, В декабре, в дни войны, сквозь морозы

Да, Москва! Я с тобой и ныне, Может быть, и моя есть в рубине Кровь бойца в камне том, в той зезде над Кремлем!

Перевел с чешского А. ТИХОМИРОВ.

На врага нас ведешь в легендарный поход. Я в тот час исторически понял, Что враг твои кони догонят И развуют на всех перекрестках во прах.

Что сестру свою младшую — Прагу И героизмом своим и отвагой Ты спасешь от врага, боевая сестра.

Час настал, — и война отремела, Снова рожь на полях замушела, Разлилась в них свободная песня жнецов.

Час настал и мечте моей прежней, В этот день, день прекрасный и веселый, В долгожданный я путь, в путь заветный готов.

Мчусь, а сердце не знает покоя, Глаз за стрелкой следит часовой, Скоро, скоро — ты, город волшебных побед.

Скоро Кремль, — и звезда из рубина Брызнет свет в свод небесный, свод синий; Как широко над миром разлит этот свет!

Сон мальчишеский сбывается. Приехал Я тебе, наконец, взрослым чехом, Закаленным в победных сражениях бойцом.

Да, Москва! Я с тобой и ныне, Может быть, и моя есть в рубине Кровь бойца в камне том, в той зезде над Кремлем!

Вот она, литературная параллель (партизан—горьковский Данко). Отчасти это касается и приключений к балладам «Партизанской колдальбой».

Максимов в подзаголовке к стихотворению «В краю молчания» ставит не совсем обычное для стихов жанровое определение: очерк. Это, если можно так выразиться, развернутое лирическое повествование о блокованном немцами отряде, который сумел пробиться сквозь заслоны, вырваться из кольца. Любопытно, что молодой поэт пользуется здесь прозаическим композиционным — перечислением немецких частей и соединений, брошенных в бой у деревни Бовки. Сделано это для большей фактической достоверности. Но ведь подлинная правда искусства не нуждается в подобных справках.

Поэт стремится прежде всего к логической выразительности. Он ничему не уступает. Парос трезвости замечает ему поляр, убожество — непрозрачные движения души. Он слишком твердо стоит на ногах, чтобы мечтать о крыльях.

Ничто не должно отвлекать поэта от конкретики, поменьше подтекста, — как бы говорит своей книжкой Максимова. Здесь он последователен, — но все же, читая «Наследство», вы не найдете, да и почувствуете, что поэту нехватает иногда непринужденности душевного движения, какого-то внезапного поворота. При логическом методе создания образа и почти аналитическом мышлении, Максимова всяческие ассоциации кажутся ему неуместными. Я думаю, что поэту и метафора — наиболее ассоциативный вид образности — почти не встречается в его стихах, — сравнения выглядят искусственным принуждением.

Конечно, Максимова во многом заблуждается. Нельзя достигнуть подлинного эмоционального напряжения, выразительности поэтической мысли в ущерб образному наполнению стиха, ощущению красок, запахов, звуков.

Но у Максимова, тем не менее, есть очень важное для поэта качество. Это — чувство преемственности поколений советских людей, а тем самым — чувство времени. И потому война не была для него лирическим героем неожиданной. Он в полном смысле слова — сознательный защитник своей родины. Он не любит себя, не старается возвысить себя во мнении людского хвастливости, стойкостью. Ни тени сентиментальности, жалости к себе или расслабленности не проскальзывает в его переживаниях. Он молод, но всем строем своей жизни, всеми традициями, воспринятыми в юные годы, подготовлен к борьбе. Вот это и ценно в сборнике стихов Максимова.

Важно отметить, что Максимова не стремится показать наше героическое время: То время героическое, когда в потемках, на час выткнув доложик в руках, смотрел в кювет и думал о потомках чепухаватых мальчуганов.

Это очень характерно для Максимова. В великой эстафете поколений строителей нашего государства он принял от старших слабое боевое наследство, чтобы передать его тем, кто идет за ним.

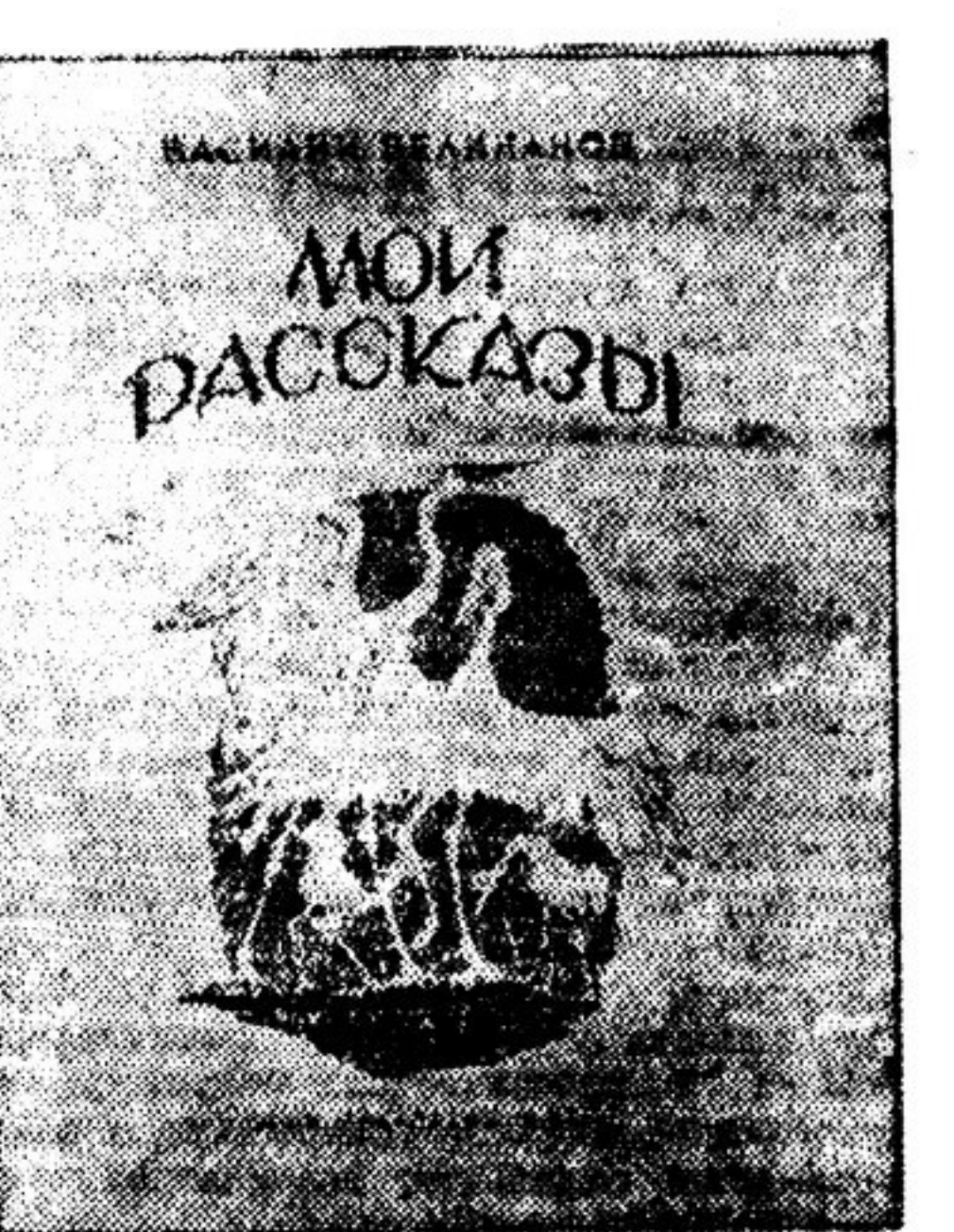
Последние стихи Максимова, появившиеся в журнале, свидетельствуют о том, что он стремится рассказать о своих сверстниках — не только воинах, но и строителях. И на этом пути молодому поэту хочется пожелать удачи.

М. Максимова, «Наследство». Партизанские стихи. «Молодая гвардия», 1946, 87 стр.

Ты тогда звал меня гений свободы, — Ты была мне в те ранние годы Недоступно, светлой, далекой мечтой. И сейчас ты могла только снится. Я хотел быстротой стать пылкой И лететь, чтобы видеть тебя, быть с тобой.

Сколько сланных имен и событий (Как не вспомнить и можно ли забыть их!) На твоих исторических гордых путях. Оттого и мечтал я мальчишкой О тебе, твое имя услышав, Строил планы воздушные, видел во снах.

И всегда ты была нам примером, Лучшей, светлой мечтой и верой, Наша слава и честь, наша гордость — Москва.

Обложка книги Василия Велиханова «Мои рассказы», вышедшей в Свердловске.

3. ПАИЕРНЫЙ НА ПОДСТУПАХ К ТЕМЕ

О лирике Д. Осина часто хочется сказать, что она недостаточно «сознательна». Многие стихотворения не пронизаны глубокой мыслью, значительной идеей, кажутся внутренне аморфными.

Разве не утрачивается ясный идейный смысл той великой борьбы, которую вел советский народ в таких, например, стихах: Делать работу, Снага и метель, Прошли мы с боями, в огне и в дыму, И в схватках опоминаться, В горе и радости, и понашью нас научила всему.

Почему «опоминаться»? Разве мы находились в беспомощности? Почему «спросить»? Неужели же мы были слепыми? В другом стихотворении автор рассказывает о том, как, идя по дорогам войны, мечтал я домой вернуться, Деть в тебе на колени и, ничего не желая, вымыться и отдохнуть.

Вспомнил, как сказано у Мих. Луконина в стихотворении «Пришедшим с войны»: Я вернулся к тебе, Но сколько твоих рук не лапчат, не немок, не спастельный круг,— чтобы увидать, насколько глубже и вернее решается здесь тема «возвращения», чем у Д. Осина.

«Жаждо трудной работы нам ладони сеучет», — говорит лирический герой М. Луконина. «Ничего не желая, забиться и отдохнуть», — мечтает герой, изображенный Д. Осина.

Конечно, было бы неверно судить о всей военной лирике Д. Осина по этим неудачным стихам. Но нельзя и молчать о них. В своем послевоенном творчестве поэту удалось выйти за пределы той лирической «замкнутости», камерной ограниченности и обособленности, которые были свойственны некоторым его прежним стихотворениям.

В сборнике «Праздник возвращения» автор рассказывает о тех, кто с боями «прошел всю землю и вернулся жить и строить там, где воевал». «Жизнь-жива!» — радостно восклицает он, рисуя картину возвращения и обилия родной земли.

В стихотворении «Солдат пришел с фронта» Д. Осин рассказывает о солдате, который, вернувшись домой, уже на другой день «хлопочет по-хозяйски в колхозе на дворе».

Снова идет он с косой в руках «прокоп-сом-подослой». И впадает потом отячь ему глаза: а я — воевал в окопу, приключил вновь работу, что суму работу, что век забыть нельзя.

Радость и поэзия свободного мирного труда, нежная сыновья любовь к родной стороне, отвоетанной у врага, живая, неумиряющая память о героях, павших за советскую землю, — таковы темы лучших стихотворений сборника «Праздник возвращения» («На праздник встречи», «У меня на родине», «Прошла война», «Молодые дубки», «Опять над пашнями весна»).

Радостное настроение поэта неразрывно связано с картиной возрождения родного края, с веселой, неутомляющей «скоороговоркой первых тракторов», с весенним пейзажем, зарисовками расцветающей природы.

Значительно меньше, чем лучшие его лирические стихи, удаются Д. Осину поэмы «Варвара». Говоря о судьбе Варвары Лявоневой и ее сыновей Якова и Григория, он то и дело сбивается на простое описание событий, регистрацию фактов. Порою поэма превращается в своего рода зарисовочный очерк.

Поразительно свободнее, непринужденнее чувствует себя Д. Осин в жанре лирической песни. Песни «У дороги, у проселка» и «Подорожник» отличаются тонкостью литературной обработки и той подкупающей искренностью, которая составляет одну из самых привлекательных сторон поэтического дарования Д. Осина.

Дмитрий Осин, «У меня на родине». Смоленск, 1946, 182 стр. «Праздник возвращения». Стихи. «Советский писатель», 1947, 116 стр.

В. ВАРСОЯН «Священный обет»

В Ереване вышла в свет книга Кошара Рачия «Священный обет». В ней говорится о войне, о храбрости наших солдат, изумительных своим бесстрашием земной шар, о святом и нерушимом братстве советских людей.

Кошар вместе с солдатами шагал по бескрайним степям Украины. Все, о чем он пишет, писатель видел своими глазами, печаль и выносил в своем сердце. У Кошара — свежий, сильный голос. Тема книги — солдатская дружба. Писатель переносит читателя в окоп, то на степной залесий рубеж, который стерегут воины разных национальностей. Проникновенно рассказывает он о трогательной дружбе чернопозолотого Негарета Мхитаряна с белым украинцем Юрченко («Священный обет»), глубоко и убедительно рисует рождение стойкости, о которую разбили голы в вражеские полчища («Братская кровь»), ярко передает величие и благородство солдата Советской Армии Якуба Абрагимова («Победа жизни»).

Особенно интересны очерки «Песня», «Весна» и «Третья осень». Каждый этих вещей глубоко народен. Юзык прекрасной ладает диалогом. Порою он имеет скучный штишок, создает образ человека со всей гаммой его переживаний, после советских очерков и рассказов. Книга завершается очерками и рассказами о послевоенных годах: они обрисовали с плен советские пленники и засучив рукава, стали сыновьями страны все, что разрушил враг. Произведения Кошара волнуют и вызывают у читателя стремление быть лучше, благороднее, не жалеть своих сил для блага советского народа.

Котар Рачия, «Священный обет». Ереван, Арзрум, 1946, 288 стр.

Корней ЧУКОВСКИЙ НОВОЕ О НЕКРАСОВЕ По неизданным материалам

Всем памятни знаменитые строки Некрасова: У каждого крестьянина Душа, что туча черная, Гневна, грозна — и надо бы Громям греметь отдува, Кровяным лить дождям.

Легко можно представить себе, сколько цензурных препятствий должен был встретить Некрасов при своей попытке воплест гневную «прознику» крестьянскую душу — Савелия, богатыря, восторженного, карающего смеять, злодеев и лавров.

Для того, чтобы провести этот образ в печать, Некрасову пришлось ограничиться единственным эпизодом крестьянской расправы, да и то не с главными насильниками, а с одним из их подручных — с господским приказчиком Фогелем.

Теперь оказывается, что в тех же стихах о Савелии: богатыре святошуском, Некрасов первоначально хотел пожать и другие формы народного мщения. Среди черновиков его великой поэмы есть следующий — еще не известный в печати — набросок из поэтической автобиографии Савелия:

А двери то каменьям, Корнями, всякой всячиной Снаружи заложу, — Кругом избы валежнику Понавалю... Зажду со всех сторон, Горите все, прокатите! Не выскочите, не выбежите! Кричи, не допрыщишь! А сам заберусь на дерево, И само высокою, И стану у отдуова Гладеть...

Некрасов не дописал этих строк, — не потому ли, что ему стала ясна цензурная невозможность обнародовать их?

Тысячи раз цитировалось знаменитое восклицание Некрасова о том благодатном времени, — Когда мужик не Блюхера И не милорада гулапоу — Безларого и Гогола С базара понесет.

Теперь в некрасовских черновиках обнаруживается другой вариант этих замечательных строк: Эх, эх, придет ли времечко, Когда (проду, желанное) Пропудрит, прояснит Ученем русский ум? Крестьяне догадуются, Что розь портрет портрету, Что книга книга розь, Швырну под печку Блюхера, Милорада беспарадного И подого шута, Крестьянин купит Пушкина, Торопку и ватинку, На кровный купит грош... То люди именитые, Заступники народные, Друзья твои, мужик!

Тепбе бы их портретки Повесить в летней горенке, Их книги прочитати! Имя Пушкина, присоединенное к двум другим именам, перед которыми Некрасов преклонялся всю жизнь, не может являться для нас неожиданностью. Даже в самый разгар борьбы за «гоголевское направление» в искусстве, когда с именем Пушкина ошибочно связывали представление о бездельной поэзии, Некрасов оставался верным своему великому благоговению перед Пушкиным. «Почувствуй, прикоснись великого поэта любить искусство, правду и родину», — обращался он к молодежи в 1856 году, — и если бог дал вам талант, идите по следам Пушкина (подчеркнуто Некрасовым. — К. Ч.), стараясь сравняться с ним, если не успеваем, то бескорыстным рвением по мере сил и способностей, к просвещению, благо и славе отечества».

Горько записал Некрасов память гениального поэта от клеветников и худителей, просящая его «умужественный, честный, добрый и ясный характер, в котором жизнь не исключала серьезности и глубины...» «Все это», — утверждал Некрасов, — вечноными, неизгладимыми чертами впил сам Пушкин в бессмертную книгу своих творений». Для Некрасова не существовало дилеммы: «либо Пушкин, либо Гоголь», никогда не противопоставлял он гоголевского направления пушкинскому, так как в Пушкине, равно как и в Гоголе, видел своих учителей и предшественников.

Вот как выискали... Фабричный из Бурмакина, Он бирину сказал: «Постой, душа черныяная, Шальные вестей бесовестных Про нас не разноси!»

Все эти строки зачеркнуты. Но хотя Некрасов отказался от первоначального замысла и заменил рабочего другим персонажем, все же остается тот знаменательный факт, что в качестве одного из героев своей эпопеи он намечал фабричного рабочего, который должен был выступить в роли заступника за трудовое крестьянство.

И только теперь обнаруживается, что в 60-х годах у поэта была намерение вывести

Реставрация отживших теорий

Фольклор, устное поэтическое творчество народа, является своеобразным видом искусства, одной из форм идеологии. Советская фольклористика на основе марксистского изучения истории фольклора пришла к ряду выводов, опровергающих «теории» буржуазных фольклористических школ.

Так, например, была окончательно разбита реакционно-идеалистическая «теория» мифологов (Ф. Буслев, О. Миллер), по которой фольклор считался выражением неуловимого духа, развивающегося как самостоятельная субстанция, независимо от общественной практики людей, «безлично» и «бессознательно».

Советские фольклористы вскрыли несостоятельность утверждений формалистов, видящих в произведениях фольклора не определенное идейное содержание, а лишь деформацию отдельных поэтических формул и композиционных схем.

На широком конкретном материале было показано, что фольклор, как и другие виды искусства, — отражение реальной действительности, что творцом и носителем его является трудовой народ. Наши ученые доказали, что на протяжении всей истории фольклор непрерывно развивался: обогащался идейно, обретал новую художественную форму. Невиданным образом получило народное творчество в условиях нашей советской действительности. Советский фольклор — явление совершенно новое, принципиально отличное от старого, традиционного фольклора.

Однако отдельные фольклористы до сих пор с удивительной беспечностью относятся к фольклору и к судьбам своей науки и под маркой «научных трудов» иногда печатают всякого рода вредные домыслы.

Так, Ленинградский университет в 1946 году вместе с рядом очень ценных и интересных работ издал путаные, формалистические и философские ошибочные «труды» фольклориста профессора В. Проппа — книгу «Исторические корни русской волшебной сказки» и статью «Специфика фольклора» («Труды юбилейной научной сессии», Л. 1946).

Своей книге проф. Пропп предпослал специальную теоретико-философское предисловие, в котором заявляет, что его труд — не обычное исследование, а особенно, строго продуманное. «Принцип, который здесь выдвигается, противоположен принятому, обычно лежащему в основе фольклорных исследований».

В чем же отличие метода проф. Проппа от методов других исследователей, в чем новизна его принципов?

Оказывается, «новизна» эта носит весьма своеобразный характер.

В противоположность марксистскому пониманию истории в науке, требующему рассмотрения явлений в их взаимосвязи, в их непрерывном движении, изменении и развитии, проф. Пропп механически разрывая понятия генетического и исторического изучения фольклора. Называя свое исследование генетическим, В. Пропп разводит, что «генетическое исследование по необходимости (очевидно, к большому сожалению профессора — С. Л.) по существу своему, всегда исторично, но генетическое исследование все же не то же самое, что историческое исследование» (подчеркнуто мною. — С. Л.).

Этот принцип, отрицающий происхождение явления от его движения в истории, проф. Пропп последовательно проводит в своей книге, указывая в ней только на отдельные возможные источники сказочных мотивов, совершенно не касаясь их развития.

Марксистская наука считает, что источник любой формы идеологии, в частности и искусства, всегда является реальной действительностью.

Следовательно, только реальной действительностью можно объяснить в конечном счете содержание и образы любой фантастической народной сказки. А проф. Пропп утверждает: «Из всего сказанного видно, что мы ищем основы сказочных образов и сюжетов в реальной действительности прошлого. Однако в сказке есть образы и ситуации, которые явно ни в какой непосредственной действительности не восходят» (подчеркнуто мною. — С. Л.).

Откуда же появились эти загадочные образы и ситуации, которым в реальной действительности не находится объяснения? «Обряды, мифы, формы первобытного мышления и некоторые социальные институты», — пишет проф. Пропп, — «я считаю до-сказочными образованиями, считаю возможным сказку объяснить через них».

Это положение проф. Проппа насквозь идеалистично. Источник сказки — одного из видов духовной жизни людей — он ищет не в условиях материальной жизни общества, а в других фактах сознания — «обрядов, мифов, формах первобытного мышления», которые сами по себе восходят

к той же реальной действительности и должны быть объяснены через нее.

Характеризуя особенности марксистского философского материализма, товарищ Сталин пишет: «...источник формирования духовной жизни общества, источник происхождения общественных идей, общественных теорий, политических учреждений, взглядов, политических учреждений и в условиях материальной жизни общества, общественным бытием, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п.»

Свои идеалистические взгляды проф. Пропп излагает в статье «Специфика фольклора». Он пишет: «...легко впасть в ошибку, полагая, будто фольклор непосредственно отражает социальные или бытовые или иные отношения».

Но что же тогда является содержанием фольклора, если не реальная действительность? Прямая заявка о своей солидарности в данном вопросе с основоположниками мифологической школы Ф. Буслевым и О. Миллером, проф. Пропп говорит: «Идейно-миллионное содержание русского фольклора вкратце может быть сведено к понятию добра, а к категории «смысла духа».

Творцом этой силы духа, естественно, не могут быть конкретные живые люди, здесь действуют, очевидно, какие-то другие, совсем уже загадочные силы.

«Нам все кажется, что кто-то его (фольклор. — С. Л.) должен был сочинить или сложить первый. Между тем возможно совершенно иные способы возникновения поэтических произведений, и изучение их составляет одну из основных и весьма сложных проблем фольклористики». Фольклор, то есть «сила духа», по Проппу, развивается «безлично» и «бессознательно», как особая самостоятельная субстанция. «Если старая наука», — пишет Пропп, — называла это творчество «бессознательным» или «безличным», то термины эти могут быть не очень точны и не исчерпывают сути дела, но они отражают какую-то мысль, которая сама по себе (т. е. без отношения к действительности. — С. Л.) верна». «Он (фольклор. — С. Л.) возникает и изменяется совершенно закономерно и независимо от воли людей, везде там, где для этого в историческом развитии народов создались соответствующие условия».

Какие же это «соответствующие условия», в которых фольклор «независимо от воли людей» развивается «бессознательно» и «безлично»?

Для Проппа история развития фольклора состоит не в создании новых фольклорных произведений, отражающих конкретную реальную жизнь, а в непрерывном, бесконечном перемещении когда-то возникших композиционных схем. «Процесс переработки старого в новое», — пишет проф. Пропп, — «есть основной творческий процесс в фольклоре, прослеживаемый вплоть до наших дней».

Проф. Пропп считает, что «путем переноса нового на старое могут создаваться новые сюжеты». Доводящему это формалистическому положению он посвящает целую книгу в 340 страниц под названием «Исторические корни волшебной сказки». Книга не оправдывает своего широковещательного названия. Вся она состоит из множества составленных отдельных сказочных мотивов по обрядам и мифам. На основе обиходных моментов, наличествующих в сказке, мифе и обряде, проф. Пропп выдвигает ничем не обоснованное предположение, что волшебная сказка через миф восходит к обряду, причем совершенно конкретно — к обряду посвящения и похорон.

«Сложение этих двух циклов дает уже почти все (но все же не все) основные элементы сказки».

Итак, содержание одного жанра фольклора выводится из другого, точно так же, как и композиция одной сказки вытекает из другой. «Дальнейшее образование сюжета и, на основе всего этого сказанного, должны представлять себе так, что данный стержень, раз создавшись, впитывает в себя из новой, более поздней действительности некоторые новые частности или осложнения».

«В дальнейшем закон сохранения композиции с заменой действующих лиц остается неизменным, и по этой линии идет дальнейшее развитие сказки».

Вспомогательные на каждой странице книги «слова» «обряды», «фреальная действительность», «общественные условия» и т. п. не сделали все же книгу историчной.

Но если мы вспомним, что в самом начале своей «монографии» проф. Пропп откровенно заявил, что его исследование исторических корней волшебной сказки «все же не то же самое, что историческое исследование», то несправедливо было бы упрекать автора, что он не выполнил обещанного.

Проф. Пропп в завуалированной форме пытается реставрировать вредные положения мифологов и формалистов в искусстве.

Новые книги „Литературного наследства“

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Ученый совет Института литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР обсудил работу редакции «Литературного наследства» в связи с 15-летием этого издания и выпуском 50-го тома.

И. Зильберштейн, подводя итоги деятельности «Литературного наследства», подчеркнул его значение в развитии отечественного литературоведения. Из вышедших томов наиболее интересными и содержательными оказались тематические тома, посвященные русской литературе XVIII века. Пушкину, Лермонтову, Грибоедову, Салтыкову-Щедрину, Добролюбову, Герцену, Некрасову и Л. Толстому.

Доклады останутся в на ближайших планах редакции. Подготавливается к печати

Чехословакия — Москве

сударственных и общественных деятелей Чехословакии — премьер-министра Клемент Готтвальда и его заместителя Зденека Фирлигера и Яна Уршины.

«Слово — Москва», — пишет Клемент Готтвальд, — является для нас, чехов и словаков, как и для всех славянских народов, символом великого братского русского народа и всей могучей Советской страны, благодаря которой мы были освобождены от гитлеровского рабства и можем сейчас свободно и спокойно, но строить счастливую жизнь своей родины».

Раздел книги, озаглавленный «Москва вчера и сегодня», составленный: статья министра промышленности Богумила Лаушмана о развитии города, как промышленного центра Советского Союза, статья по истории Москвы с древнейших времен до 1938 года Я. Харвата, Я. Шанда и В. Куля и воспоминания о советской столице военных лет писателя Франтишека Нечасека. В раздел «Москва в чешской литературе» входят отрывки из произведений чешских прозаиков и поэтов. Здесь опубликованы стихи и отрывки из повестей и рассказов чешских классиков Яна Коллара, Франтишека Шкварцы, Я. Велеслава, Свободы Карела Гавличека Борозковского, основателя чехословацкого государства Томаша Масарика, Ярослава Купалу и др.

В разделе «Москва — сердце СССР» напечатаны избранные страницы из произведений о Москве современных чешских писателей — Витеслава Незвала, Ярослава Сейферта, Йозефа Гора и др.

На фото: обложка книги «800 лет города Москвы».

Дом, где родился Я. Купала (Радзшковский район Молодечненской области). Сейчас здесь организуется музей, на доме установлена мемориальная доска. Фото В. Антонова.

В союзе советских писателей СССР

Секретариат Союза писателей обсудил вопрос о выпуске произведений братских литератур. Творческая помощь молодым писателям. При Союзе писателей СССР образована фольклорная комиссия.

Заседание секретариата Союза писателей СССР, состоявшееся под председательством А. Фадеева, с участием представителей республиканских союзов писателей, было посвящено вопросам издания литературы народов СССР на русском языке.

Директор Гослитиздата Ф. Головинченко и директор «Советского писателя» Г. Яглев сообщили о произведениях братских литератур, которые появятся в этом году, и о тех, что включены в планы 1948 года.

После обмена мнениями секретариат Союза писателей СССР решил просить Гослитиздат дополнительно включить в план 1948 года: избранные произведения классика узбекской литературы Бабура, поэму Низами «Хосров и Ширин», сборник узбекской классической прозы, антологию белорусской и киргизской поэзии и одноименно избранных произведений классиков Прозы (Армения), М. Гафури (Башкирия) и Айни (Таджикистан).

Г. Яглев обратил внимание на качество посторонних переводов, присылаемых издательству из республик.

Участники совещания, в свою очередь, подняли вопрос о недостатках художественных переводов произведений, выпускаемых на русском языке. С. Чиковани, в частности, подверг резкой критике перевод и редакцию сборника стихов Г. Абашидзе «Знамена», выпущенного «Советским писателем» в 1946 г. Большое количество произведений «Знамена» даны в плохих переводах Г. Абашидзе, в частности, одноименно и редактором книги, в то время как у В. Державина есть хорошие переводы этих же стихов Г. Абашидзе. Секретариат принял решение о том, что впредь переводы произведений современных писателей братских республик должны выпускаться только после утверждения их авторами.

Новые кадры советских писателей

Бюро комиссии по работе с молодыми авторами на очередном заседании, состоявшемся 8 июля в Союзе писателей под председательством А. Фадеева, заслушало несколько сообщений. Представитель редакции журнала «Смена» рассказал о печатании произведений молодых писателей. А. Карцев — о работе с литературной молодежью в Ульяновской области. М. Максимов — о начинающей литературе Омска и И. Амурской — о работе русских писателей, живущих в Эстонии.

Редакция «Смены» задумала ряд тематических полос, посвященных творчеству студентов Литературного института им. Горького, литературной студии Московского государственного университета, молодых поэтов Украины, Белоруссии, Грузии. В ближайших номерах будут напечатаны рассказы и стихи молодых прозаиков В. Ругунова, В. Азеева, Я. Брыля, поэтов С. Наровчатова, И. Луконина, С. Смирнова, А. Левушкина, П. Куликова и других, статьи и рецензии о книгах начинающих авторов и т. д.

Участники совещания, отметив положительное направление журнала, с просьбой упродолжить редакцию в том, что оно широко привлекает известных, так сказать, «кадровых» поэтов и прозаиков, не уделяя достоящего внимания новым именам, новым произведениям.

Бюро комиссии поручило П. Антокольскому сделать на одном из заседаний бюро обзор журнала «Смена».

Фольклорная комиссия

В Союзе советских писателей СССР создана фольклорная комиссия, которая будет руководить работой фольклорных комиссий и секций республиканских союзов писателей и краевых и областных отделений ЦСП. Главная задача комиссии — содействовать развитию народного поэтического творчества в нашей стране.

Секретариат Союза советских писателей СССР утвердил фольклорную комиссию в следующем составе: И. Розанов (председатель), А. Твардовский (зам. председателя), В. Неделев-Кумач (зам. председателя), А. Неделев (секретарь), В. Сидельникова (секретарь), члены комиссии — М. Шолохов, П. Скорняков, И. Амурской, П. Блатов, П. Богатырев, А. Глабо, М. Добужинский, Э. Гофман, И. Груздев, М. Исаковский, С. Козин, Г. Корабельников, С. Линкин, И. Новиков.

Бела Иллеш ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕНГРИЯ

Обычай устраивать в начале июня «День книги» существует в Венгрии двадцать лет. Все венгерские издатели и крупнейшие книгорозничные сооружают на улицах и площадях Будапешта киоски, в которых писатели «Дня книги» выставляют свои новые произведения. Однако народ пока не в состоянии покупать их. В «День книги» у киосков появились президенты Венгерской республики Тильди Золтан, премьер-министр Диньеш Лайош, Матяш Ракоши, министр просвещения Ортуган Дюла, министр пропаганды Михайри Эрне и министр юстиции Рисс Иштван, и хотя эти руководители венгерской демократии сделали все от них зависящее, чтобы венгерская книга нашла своего покупателя, «День книги» закончился неудачно. Около киосков толпились много людей, желавших видеть книги и писателей, но покупателей среди них попадались чрезвычайно редко. Роман в 15-16 авторских листов стоит около 30 форинтов. Средний заработок квалифицированного рабочего составляет 70—75 форинтов в неделю, учитель средней школы получает в месяц только 300—350 форинтов. Эти читатели почти не в состоянии приобрести книги. Люди же, много зарабатывающие, не интересуются книгами демократических авторов.

Для «Дня книги» нынешнего года характерно, что впервые в истории Венгрии было продано больше книг по теоретическим вопросам, нежели беллетристике. Особенно большой спрос был на сборник статей Маргаса Ракоши, сборник статей Евгения Варга и новый труд Гора Лукача «Литература и демократия». Из художественных произведений наибольший интерес вызвали «Разговоры» Фадеева (в переводе Э. Мадаряси) и роман Матэ Залка «Доберо».

К числу произведений, имевших успех, можно отнести также роман Анора Габора «Доктор Никто», трехтомный роман Дейри Тибор «Незакошенная фраза» и сборник рассказов Палотая Борни «Женщины».

У каждой из этих книг своя история. Роман Анора Габора появился впервые в 1918 году. Автор очень резко критиковал политическое и культурное положение тогдашней Венгрии. Советскому читателю будет интересно узнать, что во второй части романа Габора описывает преследование венгерской прессой нынешнего посла Венгрии в Москве Секфи Дюла, осмелившегося огла-

Письмо в редакцию

Уважаемый товарищ редактор!

Недалеко от г. Кинешмы (Костромская область) находится знаменитое местечко Шельково. Здесь прожил значительную часть своей жизни А. Н. Островский. Здесь он написал многие свои пьесы. Недалеко от этих мест писатель был похоронен.

Недавно я вместе с группой писателей посетил Шельково и дом, где драматург жил и работал. Состояние дома-усадьбы Островского вызвало у нас чувство грусти и возмущения. Над рудьями и канавками догнивают мостки, земля около дома зарыта привольно разгуливающими здесь свиньями. Повсюду разбросаны всякий хлам, а под окном рабочего кабинета Островского вырты помойная яма. На парадном крыльце сохранилось всего лишь несколько ступенек. Парадные двери дома заперты до отказа. Тесная обшивка со стен во многих местах оторвана, доски валяются на террасе и около дома.

Мы обошли дом кругом и, наконец, нашли вход. В одной из первых комнат (передняя Островских) полыхала жаром раскаленная плита, на ней что-то чинило и бурлило в многочисленных чугунах, плочках, котелках. В узком коридорчике свалены в кучу остатки покореженной мебели. Все погребено под плотным слоем пыли. В библиотеке драматурга пусто. На стенах остались лишь крошечки от подвесных книжных полок. Соседняя просторная комната завалена койками, предназначенными для обихода. Второй этаж оказался почти все заселенным. В комнатах драматурга очень не плохо и с удобствами разместились заведующий хозяйством дома Ахматов со своей семьей, Квартиру он оставил остаткам мебели Островского. Беспечно за здоровьем своего малолетнего поросенка, Ахматов рядом со своей комнатой наплавил и для него мостки. Тут же свалены мешки с картошкой и дрова. Чтобы не было обидно другим сослуживцам, Ахматов в соседних комнатах расселил еще несколько семейств.

Те вещи Островского, которым не нашлось места в комнатах жильцов, выброшены на чердак.

Почему же эта замечательная усадьба пришла в такое запустение? Дом принадлежит Малому театру. Вместо того, чтобы превратить дом известного русского драматурга в музей, администрация театра до настоящего времени использует его как удобную жилплощадь для летнего отдыха, а в остальные времена года усадьба предана забвению.

Всесоюзный Комитет по делам искусств — главный хранитель дома — не предпринял ничего для сохранения этого дорогого сердцу каждого русского человека памятника и, очевидно, мало знает о фактическом состоянии усадьбы в настоящее время. Областные организации и вовсе не проявляют заботы о Шелькове. Дом Островского может сохраниться еще на многие годы, но он нуждается в неотложном капитальном ремонте.

Думаю, что пора поставить вопрос о превращении дома-усадьбы великого драматурга в государственный музей, являющийся научным центром по изучению творчества А. Н. Островского. Об этом должны позаботиться и Комитет по делам искусств и Союз советских писателей.

Наш долг — проявить любовь и заботу ко всему, что связано с именем великого русского драматурга.

Секретарь Ивановского областного отделения Союза советских писателей М. КОЧНЕВ.

Журнал „Невидимка“

На днях был передан по радио очередной 14-й номер литературного радиожурнала для школьников «Невидимка». Этот журнал уже около двух лет выпускается детским отделом Всесоюзного радиокomiteта. Организатор и ответственный редактор «Невидимки» Л. Косыль, написавший оригинальную форму «Невидимки» — ведущего журнала для детей старшего возраста. У микрофона происходят открытые заседания редакции, и невидимые страницы журнала, богато проиллюстрированные музыкальными заставками, заполняются рассказами, стихами, статьями, сообщениями, связанными интересным содержанием, который ведется в форме беседы редактора с сотрудниками.

«Невидимка» — это, по существу, первая попытка дать детям не только литературно-художественный, но и литературоведческий журнал. Помимо рассказов и стихов, отрывков из новых произведений советских писателей, журнал дает обширный материал по истории литературы. В журнале уже выступили ученые, литературоведы, критики: С. Бонди, М. Дьяловский, Д. Заславский, Г. Винокур и др. В редколлегии журнала входят: Вера Инбер, В. Каверин, С. Михалков, И. Невяков, К. Паустовский. Литературный редактор — З. Андреев.

Отдельные номера «Невидимки» были посвящены Пушкину, Лермонтову, Некрасову, Горькому, Маяковскому, Н. Островскому.

Четырнадцатый номер журнала «Невидимка» начался с живой беседы об экзамене по литературе в школах, были прочитаны отрывки из сочинений старшеклассников, С. Воспоминаниями о Чернышевском выступил бывший личный секретарь Н. Г. Чернышевского Константин Михайлович Федоров, Лауреат Сталинской премии П. Вершигора рассказал о том, как был найден дневник легендарного ковального комиссара, Героя Советского Союза С. Руднева; отрывки из дневника читались в этом выпуске журнала. Молчаливый поэт Ем. Вуков рассказал о своей работе и прочел отрывки из новой поэмы «Андрей на войне» — «Орленок Андриеш». Прозвучала мелодичная молдавская пастушеская «дойна». Профессор С. Бонди, постоянно ведущий в журнале пушкинский отдел, рассказал о работе поэта над отделкой стихотворной строки. Непременный персонаж «Невидимки», веселый Архивариус, роль которого ведет заслуженный артист РСФСР М. Яншин, прочел юмористический рассказ студента литературного института Макса Бремнера о школьных экзаменах. Рассказ был отобран в конкурс, организованном редакцией «Невидимки» в Литературном институте Союза советских писателей.

Безответственные редакторы

В серии «Школьная библиотека для русских школ» (Ленинград, 1947 г.) вышел сборник избранных произведений А. С. Пушкина. В книге помещен известный портрет поэта работы В. А. Тропинина с такой подписью:

«Рисунок работы А. Б. Кипренского. В одной подписи три ошибки!»

Во-первых, автор портрета не тот. Во-вторых, инициалы Кипренского не «А. Б.», а «О. А.» (Орест Адамович), а, в-третьих, это не рисунок, а репродукция с портрета, исполненного масляными красками.

Но это не все. На странице 91-й поэту В. А. Жуковскому приписано два года жизни. Написано, что он умер в 1854 году, тогда как всем известно, что это случилось в году 1852.

В указании: «Ответственный редактор Г. Кармина. Художественный редактор П. Суворов».

Неправильная подпись. В данном случае нужно было написать: «Безответственные редакторы...»

„Избранное“ Матэ Залки

Издательство «Советский писатель» выпустило том избранных произведений Матэ Залки. (Тираж 15000. 429 стр. Цена 12 руб. 50 коп.) В книгу вошли: роман «Доберо», рассказы: «Мальчик барабанщик», «Янош-солдат», «Солдатский отпуск», «Хищники», «На родине», «Рано утром», «На голубом Дунае», «Снемок», «Хлоя», «Бомбист», «Кавалерийский рейд», «Аблоки».

НОВЫЕ КНИГИ

- «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»
- М. Горький. «Жизнь Клима Самгина». Книга 3-я. «Библиотека избранных произведений советской литературы (1917—1947)». 366 стр. Тираж 170 000. Цена 11 руб. 50 коп.
 - С. Михалков. «Избранное». «Библиотека избранных произведений советской литературы (1917—1947)». 176 стр. Тираж 25 000. Цена 8 руб. 50 коп.
 - С. Шингарев. «Избранное». «Библиотека избранных произведений советской литературы (1917—1947)». 194 стр. Тираж 25 000. Цена 9 руб. 50 коп.
 - Г. Берекко. «Ночь полноводья». Повесть. 271 стр. Тираж 30 000. Цена 5 руб. 25 коп.
 - В. Смирнов. «Сыновья». Повесть. 297 стр. Тираж 30 000. Цена 4 руб.
 - Д. Петровский. «Повесть о полках Богуском и Тарасовском». 429 стр. Тираж 20 000. Цена 11 руб. 25 коп.
 - И. Агасиев. «Юность Матвея». Роман. 205 стр. Тираж 30 000. Цена 7 руб. 25 коп.
 - М. Богданова. «Кавказская литература». Отрывки по истории советской литературы. 289 стр. Тираж 10 000. Цена 8 руб. 25 коп.
 - Михаил Машаря. «Лерники». Переводы с белорусского по редакцией В. Турлянова. 127 стр. Тираж 5 000. Цена 4 руб. 50 коп.
 - Георгий Янин. «Стихи». Переводы с армянского. 100 стр. Тираж 30 000. Цена 8 руб.
 - Путь Теуачи. «События». Избранные стихи. Повесть о алдыгского под редакцией А. Гатова. 111 стр. Тираж 5 000. Цена 5 руб. 25 коп.
 - В. Смирнов. «События». Избранные стихи. 71 стр. Тираж 10 000. Цена 2 руб. 50 коп.
 - «Путь Мордовия». Сборник стихотворений. Переводы с мордовского по редакцией Н. Смирнова. 138 стр. Тираж 3 000. Цена 4 руб.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ, Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, В. КОЖЕВНИКОВ, А. МАКАРОВ (зам. главного редактора), В. СМЕРНОВА, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Московский государственный библиотечный институт им. В. М. Молотова

проводит в текущем году

НАБОР В АСПИРАНТУРУ

по четырем специальным кафедрам:

- 1) БИБЛИОТЕКОВЕДИЕНИЯ,
- 2) ФОНДОВ И КАТАЛОГОВ,
- 3) БИБЛИОГРАФИИ,
- 4) ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И БИБЛИОТЕЧНОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ

В аспирантуру принимаются граждане не старше сорока лет, имеющие законченное высшее образование, производственный стаж по специальности не менее двух лет и проявляющие способности к педагогической и научно-исследовательской работе. Для поступления в аспирантуру необходимо представить: 1) заявление; 2) список печатных научных работ, а при отсутствии таковых — письменный реферат по специальности на избранную тему; 3) автобиографию; 4) личный листок по учету кадров; 5) документ об образовании; 6) характеристику общественной и научной деятельности.

Все документы представляются в двух экземплярах. Заявления принимаются до 1 сентября. Приемные испытания: по специальности, основам марксизма-ленинизма и иностранному языку.

Адрес: пл. Лобозережная, Октябрьской ж. д., Московский государственный библиотечный институт им. В. М. Молотова.